

Книга эта вышла в Петербурге в 1879 г. и тогда же была подарена писателю с надписью: «Федору Михайловичу Достоевскому в знак глубочайшего уважения от Т. Пассек 1879 года 22 ноября».¹

В главе 39 («Москва (1839—1842)») Т. П. Пассек рассказывает о московском кружке Герцена, одним из членов которого был Николай Христофорович Кетчер (1806—1886) — врач по образованию и переводчик по призванию. Т. П. Пассек о нем пишет: «Где бы друзья ни собирались, распорядителем был Николай Христофорович. Он откупоривал бутылки, он наливал вино, он наблюдал черед. Голос его покрывал все голоса. В экстазе он кричал: „Я как доктор — защищаю вино“, на это Александр замечал обыкновенно, что он не верит в его медицинские знания <...> Н<иколай> Х<ристофорович> не любил практики и не занимался ею. Если кто из нашего круга занемогал и обращался к нему за советом, он обыкновенно говорил: „Вы выдумываете себе болезнь и любите пачкаться“».² Не исключено, что и Кетчер, и Достоевский, употребив слово «пачкаться», имели в виду другой его смысл, зарегистрированный в «Толковом словаре» Даля: «... делать дурно и грязно, как ни попало». Там же приведен и соответствующий пример: «Она не стряпает, а пачкает обед», т. е. плохо его готовит, портит.³

Приведенный факт — один из частных эпизодов творческой истории «Братьев Карамазовых», однако он еще раз демонстрирует, с каким вниманием относился Достоевский к речевой характеристике своих персонажей, как он умел услышать, запомнить и с большим художественным эффектом применить «метко сказанное русское слово».⁴

В. В. ДУДКИН

Э. ЗОЛЯ О РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Появление в 1884 г. французского перевода романа Достоевского «Преступление и наказание» стало событием в литературной жизни Франции.

Но еще до публикации перевода в литературных кругах были информированы как о романе, так и об его авторе. Это подтверждает письмо Э. Золя немецкому переводчику «Преступления и

¹ Описание рукописей Ф. М. Достоевского. М., 1957, с. 526.

² Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. СПб., 1879, с. 325. — Несмотря на то что и в первой журнальной публикации воспоминаний также было «любите пачкаться» (Рус. старина, 1877, № 4, с. 680), редактор современного издания счел это за опечатку и исправил на «любите пичкаться» (см.: Пассек Т. П. Из дальних лет: Воспоминания. М., 1963, т. 2, с. 279).

³ Даль В. Толковый словарь. СПб.; М., 1882, т. 3, с. 27.

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 6, с. 109.

наказания» В. Генкелю. Приводим полностью текст письма, поскольку на русском языке оно публикуется впервые:

«Медан, 18 апреля 1884 г. Мосье, я задержался с ответом на ваше письмо от 23 декабря 1883 г., потому что хотел дать вам положительный ответ относительно русского романа, который вы мне рекомендовали. Меня заверили, что он действительно представляет собой одно из выдающихся литературных явлений, но я натолкнулся на полное равнодушие у тех издателей, с которыми заводил о нем разговор. Они уверяли, что во Франции не находят сбыта переводные книги. Так оно и есть на самом деле. Я думаю, нужно подождать. И тем не менее я вам признателен за то, что вы обратили внимание на это произведение. Примите заверение в совершенном моем почтении».¹

Письмо Э. Золя примечательно также и тем, что в нем словно запрограммирован двойственный характер раннего восприятия Достоевского во Франции. С одной стороны, безоговорочное признание крупного писателя-реалиста, а с другой — настороженность, недоверие к Достоевскому-художнику, новаторство которого французская критика не сразу сумела оценить.

Э.-М. де Вогюэ, как известно, воздав должное русским писателям как создателям реализма более высокого типа, чем французский, отказывал им в то же время в умении строить композицию, сетовал на бесконечные повторы и длинноты в их книгах, на их чрезмерный объем. Роман «Братья Карамазовы», например, показался Вогюэ «бесконечной историей», которую даже в России немногие смогли прочесть до конца.² Однажды упомянутый выше Генкель присутствовал на репетиции спектакля по роману «Преступление и наказание» в парижском театре «Одеон» и стал там невольным свидетелем беседы каких-то двух «молодых французских писателей». «Вот уже два года, говорил один, как в нашем обществе вошло в моду говорить о русской литературе. Имена Достоевского и Толстого не сходят с уст, но кто их читает? И у меня есть этот „Раскольников“, но пока он еще даже не разрезан; А я, — отвечает другой, — вот уже целый год читаю „Войну и мир“ Толстого, открывая книгу наугад, но не в состоянии одолеть больше нескольких страниц. Это прекрасно, но — боже! — как длинно!».³

¹ *Henckel W.* Dostojewskijs «Raskolnikow» auf der französischen Bühne. — *Das Magazin für die Literatur des In- und Auslandes.* 1888, 57. Jg., № 45, S. 708.

² *Vogüé E. M.* Le roman russe. Paris, 1886, p. 265.

³ *Henckel W.* Dostojewskijs «Raskolnikow»..., S. 708.